

Был март 1991 года. Хмурый, сырой и ветреный. Солнце изредка выглядывало из-за туч и снова исчезало, а с неба начинал сыпать крупинками снег, скрывающий уже ржавеющие сугробы дорог, автобусных остановок, крыши зданий, недавно попытавшихся освободиться от тяжёлой зимней обузы.

Моя семья — два сына-школьника четвёртого и седьмого классов, жена и я — недавно переболела гриппом с высокой температурой, страшным лающим кашлем и головными болями. Оправившись от болезни, с нескрываемой надеждой каждое утро взирали на небо и смотрели на уличный термометр, который висел за окном, ожидая весенних перемен, но весна словно забыла о том, что ей пора активно браться за её привычные дела, ещё дремала где-нибудь в лесу и чего-то ждала или готовилась к сюрпризам, известным только ей.

Дни тянулись монотонно, не обещая ничего хорошего и ничего плохого. Вечерами мы всей семьёй собирались у телевизора и смотрели фильмы разного содержания, но одного направления...

В стране полным ходом шла перестройка, которую объявило правительство во главе с президентом. Гласность и демократия шагали по советской земле чётко и уверенно, не оглядываясь назад.

Но вот наступило воскресенье, и мы с женой решили поехать на центральный рынок, для того чтобы купить мне шляпу; шапку уже скоро можно будет снять, а в кепке или шерстяной шапочке, какие носят теперь, было как-то несолидно при моей

врачебной должности. Мы сели в «Москвич», перешедший к нам по наследству от тестя, и через полчаса были на рынке.

Дул пронзительный ветер, разнося по территории рынка обрывки газет, коробки, рваные целлофановые пакеты, места-ми закручивая их всех вместе, поднимая вверх и швыряя на головы продавцов и блуждающих покупателей. Не хотелось выходить из машины, в которой было тепло и сухо, но пришлось. У нас с собой было пятьсот рублей, эта та сумма, в которую мы с лихвой должны были уложиться при покупке шляпы.

Зайдя в торговую точку, где раньше всегда было обилие головных уборов, шляпы этажерками поднимались под потолок, различных размеров, оттенков, форм и фасонов, кепки, вязаные шапочки, меховые шапки и прочие предметы, которые люди носят на головах, увидели, что почти ничего из вышперечисленного не было.

Прилавки были пусты, только в дальнем углу у окна лежали две помятые шляпы, но они, как сказала нам продавщица, были побиты молью и списаны.

Мы с женой очень удивились такому положению дел, и я спросил:

— А куда подевались все шляпы? Их ведь всегда было в достатке в наших магазинах.

— Исчезли за один час,— ответила молодая, белокурая, размалёванная и, как показалось мне, слегка подшофе продавщица и сделала удивлённое лицо.— Вы разве не знаете? Их зачем-то скупили во всём городе китайцы, вроде говорили, что фетр, из которого сделаны шляпы, им очень нравится.

— Может, в других магазинах удастся найти шляпу? — спросил я.

— И не думайте, не вы первый, не вы последний, они, как саранча, сметают у нас на рынке всё подряд. Вон в соседнем скобяном отделе никакого железа не осталось, увезли всё, посмотрите сами.

Я подошёл к отделу, торгующему ширпотребом, и ужаснулся: ни ломов, ни лопат, ни кувалд... Гири, напольные весы, тиски — и это всё исчезло...

— Неделю назад забрали вёдра, алюминиевую посуду,— сказал продавец, ухмыльнувшись.— План выполнили.

Черенки, веники, швабры, несколько снеговых лопат из фанеры оживляли опустошённый китайцами отдел металлоизделий.

Выйдя из магазина, мы, к своему удивлению, обнаружили, что на небе ярко засияло по-весеннему настоящее мартовское солнце, и хотя ветер не утратил своего азарта и настойчивости, но уже ослаб и старался обходиться с прохожими по-человечески, как бы говоря: я совсем не такой, как вы думаете, — заглядывал каждому в глаза преданно и верно, как пёс, который только что провинился и виляет хвостом.

Так вот, о животных. Мы шли по территории рынка. Настроение было не то чтобы плохим — всё-таки выглянуло солнце, но несколько испорченным. Мы шли и обсуждали с женой происходящие события, свидетелями которых стали сегодня, и не могли найти ответа...

— Да, — сказал я, — цены на все эти изделия, которых мы не обнаружили в торговой сети, действительно смешные, и этим нельзя было не воспользоваться. Вот и нашлись умные люди умной страны и совершили то, что должно было совершиться.

Незаметно за разговорами мы подошли к месту, где торгуют живым товаром: кроликами, голубями, собаками, хомячками, морскими свинками, кошками и котятками. Больше всего было торговков котятками, и около них всегда толпился народ. Особенно дети. Каждый ребёнок хотел погладить маленького котёнка и с затаённым чувством надежды смотрел на свою маму. А вдруг она поймёт и почувствует, какое великое чувство любви к братьям меньшим вспыхнуло и разгорается с необыкновенной силой в маленьком сердце её сына или дочери? Уговоры и слёзы, обещания и обиды — короче, всё как везде и у всех детских душ при виде внезапно возникшего перед глазами чуда.

Подобная картина была и возле продавцов, торгующих щенками и собаками. Проходя мимо них, я обратил внимание на то, что каждый идущий впереди меня человек заглядывает в картонную коробку, где, свернувшись клубочками, лежали два щеночка. Один был серым, пушистым и грустным, другой приковывал к себе взгляд каждого проходящего, замедляющего свои шаги, а то и останавливающегося, чтобы повнимательнее рассматривать это чудо природы.

Хозяйка щенков достала его из коробки, взяла себе на руки. Он неожиданно лизнул её в нос и затих. Это был щенок не виданной мною масти, беленький, пушистенький, одна половина мордочки, начиная от чёрного носика до холки позади и до шеи спереди, была чёрной как смоль, вторая — белой. В обеих половинах сверкали маленькие искрящиеся глазки,

как бы требующие немедленного угощения или сочувствия. Я спросил хозяйку сначала о цене, затем о породе щенка.

Аденоида Васильевна, так звали хозяйку щенков, сказала, что беленький и пушистенький стоит пятьсот рублей, а серый — это не её, хозяйка отошла куда-то и попросила доглядеть за ним, скоро придёт. О породе своего питомца она рассказала следующее: это очень, очень редкий тип собак, привезены щенки из Москвы, двух она продала на прошлой неделе по семьсот рублей за каждого, а этого по причине холодной погоды и за отсутствием времени уступает за пятьсот рублей. Ему три недели от роду, мать дома, у неё что-то с сосками, то ли мастит, то ли недомагает по другой причине, а порода называется британский белинго. О такой породе я не слышал, да и находящиеся рядом люди тоже. Вдруг одна женщина предложила за этого щенка шестьсот рублей. Я, не задумываясь, выхватил из кармана пятьсот рублей, и Аденоида Васильевна отдала его мне как первому из людей, проявивших искренний интерес к «пушистику», так она называла щенка. Потом она попросила какую-нибудь медную монету, которую я, пошарив в карманах, нашёл и протянул ей.

— Это чтобы не сглазили,— сказала она,— так положено,— и улыбнулась улыбкой, которая до сих пор стоит в моих глазах.

Мы обменялись телефонами, любезностями и, распрощавшись, двинулись к машине.

Мы шли счастливые и одухотворённые под впечатлением сделанной покупки, предчувствуя неопишуемый восторг и радость детей, которые, увидев это пушистое создание, будут прыгать от восторга до потолка, обещать учиться только на «четыре» и «пять» и всегда слушаться нас и бабушку, балующую их своей беспредельной щедростью на всякие сладости и вкусности.

Мы не сожалели о потраченных не по назначению деньгах, улыбались, а ставшее синим и безоблачным небо улыбалось нам и нашему новому живому существу. Каждый встречный прохожий обращал на щенка внимание, некоторые женщины, дети останавливались, чтобы задать вопрос о том, какая это порода, сколько месяцев, или просто погладить его по головке, чему мы нисколько не препятствовали.

Сотовых телефонов в то время не было, поэтому внезапное для детей появление щенка в стенах квартиры произвело

настоящий фурор. Схватив его, сыновья потащили в свою спальную комнату на кровать.

— Это мальчик или девочка? — спросил младший сын Денис.

— Мальчик, — ответил я, — так сказала его хозяйка.

— А какой породы?

— Британский белинго, — с гордостью произнёс я.

Щенку определили место в коробке с мягкой подстилкой, в углу при входе в квартиру, под вешалкой. Налили в блюдце молока с размоченными в нём кусочками хлеба, он поел с аппетитом, вылизал язычком блюдце, залез в коробку, где тут же заснул, свернувшись клубком.

Жена объяснила детям, какая огромная ответственность, помимо учёбы, ложится на них с этого дня. Необходимо будет его выгуливать, когда он подрастёт, убирать за ним, кормить, поить, следить, чтобы он не натворил чего-нибудь.

— Но на первом месте остаётся учёба, — сказала в заключение жена.

Возникли недолгие споры о том, как назвать щенка. Коля, старший сын, предложил дать имя Малыш, с чем все единодушно согласились.

В первые дни пребывания у нас Малыш жалобно и громко скулил, особенно ночами, пока к нему кто-нибудь не подходил и не гладил по головке. Тогда он затихал и вновь засыпал ненадолго. Постепенно страх ночного одиночества исчез, и он стал спать спокойно до самого утра. Убирали и кормили дети щенка по очереди, а играли с ним вместе; школьные товарищи, которые зачастили к детям, также любили поиграть с Малышом, тискали его в руках и угощали то пряником, то конфетой. Он всем нравился.

Прошёл месяц. Щенок подрос, стал более самостоятельным, бегал по всем комнатам, но справлял свою нужду только в углу при входе, где ему была постелена клеёнка. Решено было Малыша выгуливать по утрам на улице, несмотря на любую погоду.

Со временем шерсть у него огрубела, утратила прежнюю пушистость, но он продолжал приковывать своей чёрно-белой мордочкой взгляды соседей и прохожих и вызывать у них произвольную улыбку.

Щенок быстро рос. Привык к поводку, на котором его выводили за дом побегать, он вволю резвился. Увидев другую собаку, поджав хвост, пулей летел назад к Денису или Коле. Была поставлена задача научить его какать и писать не дома, а

на улице, так, как это делают другие собаки. Но, увы, этого он усвоить никак не мог. К тому же у Малыша напрочь отсутствовала способность лаять на кого-либо. Ему шёл уже третий месяц, а он ни разу не тявкнул. Родственники и знакомые, которые приходили к нам, сначала пугались, видя собаку, но потом, поняв, как дружелюбно и приветливо она встречает их, виляя хвостом, улыбались и смело проходили в комнату.

У Малыша в два с половиной месяца появилась нехорошая привычка: он стал грызть обувь в прихожей, то есть ту, которая стояла у дверей. Сначала это были домашние тапочки, затем туфли, ботинки и всё остальное, что стояло под вешалкой. За это приходилось его наказывать, отучать было крайне сложно. Пришлось прибегнуть к наморднику. По всей видимости, растущим зубам не хватало чего-то твёрдого. Ему стали давать на обед кости, которые освободились от мяса в процессе варки, и дело сдвинулось с мёртвой точки. Но отправлять нужду он продолжал в квартире, сколько бы с ним ни гуляли на улице.

Как-то в субботу утром я пошёл в гараж, это метров пятьсот от дома. Надо было заменить резину на колёсах автомобиля. Я решил взять с собой Малыша.

Начало июня, зелёная трава, жёлтые одуванчики, робкая первая зелень тополеи были везде, где земли касались солнечные лучи. Мы шли в гаражный массив.

Малыш, значительно подросший, ставший гладкошёрстным псом, напоминал обычную дворнягу, натягивал поводок и изо всех сил рвался вперёд.

Утром в гаражах народу было мало, но, учитывая то, что была суббота, могло быть иначе. Первым меня приветствовал сосед, чей гаражный бокс был через два гаража от моего. И, конечно, задал вопрос:

— Что это за псина у тебя, Степан Николаевич?

Я ответил глубокоуважаемому Ивану Ивановичу, до тонкостей знающему душу легковых автомобилей и обладающему всеми необходимыми инструментами и приборами для их диагностики, что это пёс по кличке Малыш породы британский белинго.

— Вот, взял его с собой, чтобы он побегал здесь. Ему уже три месяца, а мы всё не можем приучить его справлять нужду на дворе: сколько с ним ни гуляем, он обязательно нагадит дома.

— Про такую породу я что-то не слышал; может, и существует.

— Да, — подтвердил я, — мне сказала хозяйка щенка, что это очень редкая порода собак, завезена откуда-то с Греции или Турции, там они пользуются большим спросом.

Поглядев на Малыша, я спустил его с поводка, и он как оглашенный рванул во весь опор куда глаза глядят.

Принявшись за работу, я не заметил, как наступило обеденное время. Малыш носился взад и вперёд без отдыха и только временами с жадностью лакал воду из лужи, образовавшейся в неглубокой канаве.

Заменив резину на колёсах, я подошёл к Ивану Ивановичу и попросил его послушать мотор: мне показалось, что сильно стучат клапаны. Иван Иванович подошёл, завёл автомобиль, прислушался и сказал, что они дают повышенный шум при работе холодного двигателя, после прогрева шум исчезнет. И задал мне вопрос насчёт половой принадлежности моей собаки. Я ответил, что это кобель, но пока вторичные признаки его сформировались, недостаточно, это бывает и у людей.

— Ну-ну, — сказал с улыбкой Иван Иванович. — Скоро придёт Юра у его сына боксёр, ты, наверное, видел, он сюда его захватывает иногда. Он кое-что прояснит, — и пошёл к своей «Жиге».

Прибежал Денис, принёс свежих горячих беляшей, термос с чаем и солёной капусточки в пол-литровой банке.

В это время напротив гаража Ивана Ивановича гараж открывал пришедший и уже упомянутый Юра — мужик средних лет, классный слесарь, работающий на телевизиорном заводе. Поприветствовав друг друга, мы разговорились, а Денис, пристегнув Малыша к поводку, проходил мимо нас. Он поздоровался с дядей Юрой и Иваном Ивановичем, который остановил его и задал вопрос Юре:

— Как ты думаешь, это кобель или сучка?

Юра, не стесняясь, подошёл к Малышу, завивавшему своим тонким хвостом, положил его брюхом кверху и, не задумываясь, сказал:

— Конечно, кобель, — но потом, почесав затылок, добавил: — Хотя чёрт его знает, подрастёт — видно будет. А что хозяин собаки говорил?

Я сказал, что хозяйка сказала — кобель, причём очень редкой породы — британский белинго.

— Ну, насчёт породы — это у меня Славка разбирается. Обещался подъехать через час за картошкой в подвал. А на кой

сдалась тебе эта собака? Взял бы бульдога или овчарку, хотя бы польза была, а так... Британский белинго? Гм...

— Мужики,— предложил я, после того как сын умчался с Малышом домой,— дело к вечеру. Не принять ли нам по рюмахе за прошедший праздник — День Победы? Мы ведь давно не собирались, всю зиму... Закусон и бутылка есть. Как, а?

Мужики идею поддержали единогласно, и я пошёл закрывать капот «Москвича», чтобы на нём соорудить подобие стола. Юра принёс солёненьких огурчиков, Иван Иванович — отварной картохи с салом и чесноком. Стол получился по-настоящему праздничным. Первый тост по старшинству произнёс Иван Иванович:

— За жизнь, за Победу, и чтобы не было войны.

Выпили, поговорили, настроение приподнятое, языки развязались, политика влезла в разговор без спроса. Все сожалели о преждевременно ушедшем в могилу Андропове, о том, сколько беспорядков в стране и куда глядели наши доблестные ракетчики из ПВО, когда немец Руст на своём самолёте долетел до самого сердца России — Красной площади и удачно приземлился. А если бы он был с подарочком — маленькой атомной бомбочкой?..

В гараж заглянул Слава, сын Юрия,— молодой человек, отслуживший недавно в рядах Советской Армии. Крепкий, здоровый, со своими взглядами на дальнейшую жизнь.

Я уже достал из подвала мешок картошки.

— Хватит или ещё? — спросил он.

— Хватит, хватит.

— Ну, тогда бывайте, а то мне некогда.

— Пстой, Слава,— сказал я.— Ты не знаешь такую породу собак, как британский белинго?

Слава задумался, перебирая, видимо, в голове все имеющиеся у него знания о породах собак.

— Нет, не слышал, но у меня есть энциклопедия по собаководству, я посмотрю и сообщу вам через отца или сам при встрече,— и ушёл.

В то время Юрий с Иваном Ивановичем чуть ли не до хрипоты спорили, кобель наш Малыш или сучка, каждый приводил свои убедительные доводы и аргументы. Я, чтобы прекратить этот спор, сказал, что схожу на неделе в ветеринарку и покажу там своё четырёхлапое создание спецам, пусть выскажутся определённо.

Потом мы помянули тех товарищей из нашего ряда гаражей, которые в течение последних лет покинули этот мир по разным, чаще не зависящим от них причинам. Из сорока гаражных боксов набралось около семи человек.

Наступили сумерки, пора было собираться по домам, к домашним очагам, согретым теплом и вниманием наших дорогих жён. Попрощавшись, разобрав свои банки-склянки, мы разошлись.

Я шёл и почему-то думал о своём быстро пролетевшем детстве на берегу реки Качи, о нашем дворовом псе по кличке Дружок — беспородном существе, которого любил и подкармливал долгие годы весь двор, пока его не поймали собачники и не увезли незнамо куда. Откуда шли эти воспоминания в мою голову, я не знаю, но они шли, шли и шли вместе со мной до дверей квартиры, отворив которую, я уловил в воздухе знакомый до боли запах испражнений нашего Малыша. Жена вытирала пол в коридоре и на чём свет стоит ругала собачару за его непонятное упорство, граничащее с нахальством высшей степени. Кое-что из её слов перепало рикошетом и мне.

Я разделся, прошёл в комнату и, не включая свет, лёг на диван. На душе было тепло и грустно — оттого, наверное, что так быстро пролетел этот субботний июньский день, ещё один день моей жизни. Вспомню ли я его ещё когда-нибудь?

Я стал чаще бывать в гаражном массиве. Утром надо было брать машину для различных поездок, включая и поездки на работу, а вечером ставить её обратно в гараж. Вечером я прихватывал с собой Малыша, и мы подолгу гуляли между однообразных гаражных строений с коричневыми или зелёными воротами. Мои соседи по гаражу, да и мужики из других гаражей при виде моего пса, у которого половина головы так и оставалась чёрной, а глаз на ней сверкал, как оптический прицел винтовки Мосина, потешались над нами, подтрунивали как могли, упражняясь в своём красноречии. А имя «британский белинго» стало нарицательным почти для всех. Один из них, Михаил, под дружный хохот сотоварищей даже предложил назвать гаражный кооператив «Британским белинго». К этому времени я уже точно знал, что такой породы собак в мире не существует, а что обозначает это словосочетание, никто не знает. Все телефонные звонки к бывшей хозяйке нашего питомца оставались без ответа. А знакомый ветеринар, окончивший сельскохозяйственный институт с отличием, сказал мне при встрече, что очень редко, но и среди собак встречаются гермафродиты по мужскому или

женскому типу. Так, что если мой британский белинго, когда мочится у столба, поднимает заднюю лапу — он преимущественно кобель, а если вприсядку — то сучка. После этого я стал замечать, что постоянно возле одного гаражного угла, набегавшись, он приподнимает заднюю лапу, но потом, как бы вспомнив что-то, приседает, делая короткие очереди мочой, и убегает с довольным видом. Лаять он так и не научился. Да и считал для себя это дело ниже своего достоинства, имея такую «родословную». Встречные собаки иногда с лаем кидались на Малыша, но он всегда успевал рвануть от них ко мне под ноги, показывая всем своим видом непричастность к происходящему и как бы требуя наказать обидчиков, что я и делал, нагибаясь якобы для того, чтобы взять с земли камень.

Как ни печально, но настало время, и мы всей семьёй приняли решение расстаться с нашим Малышом. Сделать это надо было по-человечески, не нарушая и не ущемляя интересов щенка, который вытянулся в росте и к своим пяти месяцам был пятьдесят пять сантиметров в холке. Шерсть его стала гладкой, хвост, как верёвка, болтался сзади, уши висели и даже в минуты обострённого внимания никогда не поднимались кверху. Это была обычная дворняга, беспородная, дурноватая, каких в большом количестве можно встретить в каждом городе и особенно на окраинах. Да к тому же ещё и гермафродит, что крайне редко встречается в собачьей породе. В городской квартире такую собаку стало держать невозможно, поэтому в августе, когда у меня должен быть очередной отпуск, который я давно мечтал провести на берегу одного из красивейших озёр Красноярского края — озера Парного в Шарыповском районе, озера нашего с братом и сестрой детства, куда мы, начиная я — с пятого класса, брат — с третьего, а сестра — с первого, выезжали отдохнуть от городского шума, дыма и пыли на месяц, а то и более, к тётке Арише, хорошей знакомой нашей мамы, — конечно же, не все сразу, а поочерёдно и не каждое лето.

Озеро было чистое, глубокое и рыбное. В нём водились щука, окунь, ёрш, сорога, и нередко попадался на удочку карась. В царские времена озеро называлось Божьим, а деревня на его берегу — Парной. Потом советская власть переименовала его, и озеро стало называться по имени деревни — Парное. В шестидесятые годы на его берегах стояли аккуратненькие домики, белённые извёсткой, с голубыми или зелёными палисадниками, в которых почти до середины лета цвели сирень

и черёмуха, а затем полыхали георгины разных цветов и оттенков, но больше было тёмно-вишнёвых, цвета крови.

Сыновьям я давно обещал взять их с собой на это озеро порыбачить, тем более до начала учёбы оставался месяц. Я предложил и своему брату Николаю вспомнить нашу далёкую юность на берегах озера Парного, почти не сомневаясь в отказе, но, к удивлению моему, он с удовольствием согласился отдохнуть деньков десять там, где когда-то даже хотел купить какой-нибудь домик, чтобы летом иногда отдыхать там, рыбачить, вспомнить детство.

Собаку я решил взять с собой и подарить там какой-нибудь старушке или Парнинскому рыбозаводу, где собаки всегда были накормлены, при деле и громко лаяли на проходящих мимо людей.

Выехали мы десятого августа на моём «Москвиче», упакованном необходимыми продуктами, рыболовными сетями, газовой портативной печкой. Хлеб и алкоголь решено было купить в деревне, потому что такого хлеба, какой выпекала деревенская пекарня, я не ел с тех пор, как побывал там последний раз лет десять тому назад.

Утро было свежим, безветренным, рассвет только начал свой разбег, облизывая малиновым языком дремлющие в небе облака.

Впереди было триста сорок километров относительно хорошей асфальтированной трассы. Четверо мужиков и собака неудержимо неслись кто-то в своё будущее, а кто-то — в далёкое-далёкое прошлое, чтобы вдохнуть приозёрного, пропитанного запахом камышей и озёрной пенистой волны воздуха, чтобы с головой залезть в тишину соснового бора, спускавшегося с окружающих гор к самому берегу, и ни о чём не думать, ничего не слышать и не видеть, кроме плеска волн о берег, дыма костра и чистой голубой воды озера.

Проехав половину пути, остановились в городе Назарово — дозаправить бензином автомобиль, немного перекусить, утолить жажду и естественную малую нужду. Детям купили по пачке резиновой фруктовой жвачки и через тридцать минут снова двинулись в путь.

Малыш всё время лежал на резиновом коврикe в ногах у Дениса, отказывался есть, но выпил с жадностью довольно много воды.

В дороге с братом вспоминали разные забавные истории из тех далёких времён. Вспоминали сверстников — деревенских

ребятишек, с которыми допоздна купались в озере, рыбачили, гоняли на велосипедах, ходили за ягодой и грибами. Особо крупная земляника росла за погостом на горке, как раз за огородом тёти Ариши. А огороды у всех были громадные, соток по пятьдесят. Сажали картошку, капусту, морковь и разную зелень, чтобы прокормить зимой себя и разную живность, которую держали и без которой не мыслили жизни. Где они сейчас, эти Вовки, Сашки, Верки, Зинки, бесхитростные, простые деревенские ребятки? Живы ли, а если живы, то где? Коля вспомнил Абэню, такая кличка была у одноногого мужика, который жил наискосок от дома тёти Ариши и огород его спускался к самому берегу озера, так вот, этот самый Абэня ни свет ни заря каждое утро, хромя на своём деревянном самодельном протезе, садился в лодку и уплывал ловить щук. Он вставлял в уключины от вёсел метровой длины тальниковые пруты, от которых тянулись по обе стороны лодки длинные, до двадцати пяти метров, капроновые лески с блёснами на конце. Абэня сидел на корме и грёб одним веслом, и если щука заглатывала блесну, он бросал весло, хватался за леску, подсекал и вытаскивал хищницу из воды, тут же ломал ей хребет, иначе она не утихала и трепыхалась в лодке, могла спутать всю снасть.

Так вот, Коля вспомнил, как однажды, в самом конце августа, Абэня долго не возвращался с рыбалки, а когда причалил к берегу, всё никак не мог выйти на берег, затем, с трудом выбравшись из лодки, водрузил себе на плечо весло, продетое через рыбу пасть и жабры огромной щуки. Он нёс её в гору по тропе между огородами, прихрамывая, вытирая пот со лба рукавом рубахи. Нёс гордо, с нескрываемой улыбкой, весь промокший насквозь, то и дело поправляя ремни на протезе. Ребятня стайей окружила его, кричала: «Абэня акулу поймал, акулу вытащил». Вышли мужики, помогли донести рыбину до ворот. Щука ещё дёргалась, она была покрыта зелёным мхом и тиной. Как потом говорили, весила она шестнадцать килограммов, на хвосте у неё обнаружилось треснутое медное кольцо с непонятной цифрой, а в желудке, помимо двух окуней, было шесть блёсен, почерневших от времени, и два грузила. Как такую рыбину смог вытянуть из воды инвалид ВОВ Абэня, никто понять не мог, да и сам он долго не верил в свою удачу.

Миновали окружным путём Ужур. Через сорок километров — Парная. Ехать осталось не более тридцати-сорока минут.

Малыш стал беспокоиться, повизгивать и вздрагивать при каждом толчке, тем более пошла гравийка, асфальт кончился, стало чаще потряхивать.

Я остановил машину, съехав с дороги в придорожный безрезняк. Денис надел Малышу ошейник и попытался вынести его на воздух, щенок долго упирался, но всё-таки Денис вынес его, поставил на землю и повёл выгулять.

Тот обнюхивал каждый куст, каждую кочку, наконец устроился возле сломанной, роняющей сухой зелёный лист берёзки и опорожнил свой мочевого пузырь, с визгом побежал назад в машину, улёгся на прежнее место и затих.

Мы продолжали своё путешествие. Был полдень, солнце стояло в зените, редкие пушистые облака висели неподвижно в синеве, обещая безветрие и сухую погоду. Прогноз, который то и дело передавало краевое радио, также обнаруживал, что ливни нам не грозят.

Очертание местности приняло равнинный вид, с выгоревшей местами жёлтой травой, вдали виднелись цепи гор, которые со всех сторон окружали степное пространство; земли не было видно, кое-где мелькали небольшие деревянные, сколоченные наспех от дождя и ветра времянки, возле них паслись табуны лошадей с жеребятами и отары овец.

Вдруг справа от дороги, метрах в пятистах, посредине этой сухой полубезжизненной равнины вырос настоящий курган. Он был так огромен, что больше соответствовал одинокой горе, высотой не менее ста пятидесяти метров, весь покрытый ельником, сосняком и возможно пихтой. Это видение было так неожиданно, хотя в былые годы мы, проезжая на автобусе этой дорогой, видели эту гору, и нам даже говорили, как она называется — кажется, Лысая. Но тогда она нас так не впечатляла. Мы вышли из машины и сфотографировались всем семейством у этой горы. Проехав её, Коля оглянулся и сказал:

— Посмотрите, а гора-то лысая.

Дорога огибала эту местность, и мы увидели северную сторону этой курган-горы: она была абсолютно голой, каменистой, со светлыми участками осыпей и чётко обозначенной тропой, уходящей к вершине горы.

В небе кружили несколько коршунов, высматривающих добычу, и ласточки, а может, стрижи, они взвивались высоко вверх и, резко меняя направления полёта, исчезали.

Внезапно на спуске перед нами открылось озеро. Чётко вырисовывались пологие берега и окружающие склоны гор, покрытые густой зеленью. Озеро было таким синим и спокойным, что казалось нарисованным на холсте художником, предпочитающим изумрудный цвет всем другим. Справа внизу по обе стороны дороги тянулись деревенские дома с огородами, за которыми на возвышенности виднелся погост, школа-десятилетка, продуктовый магазин.

Влево вела другая дорога, которая, огибая озеро, раздваивалась, и правая её ветвь уходила к полуострову, выходящему из озера и высокой горой, покрытой лесом, возвышавшемуся над ним, напоминая всплывшего на поверхность огромного кита. А левая тянулась вдоль озера до деревни Сартачуль — небольшой, с одной улицей домов в сорок, где проживали старики да дачники в летнее время.

Мы начали спускаться к деревне, чаще стали попадаться легковые и грузовые автомобили, а в самой деревне, по её единственной дороге, молодёжь рассекала на мопедах и мотоциклах, обливая друг друга водой из вёдер и банок, хотя день Ивана Купалы давно прошёл.

Остановившись у сельмага, мы закупили хлеб, тушёнку и четыре бутылки водки и покатали по улице Озёрной на противоположный берег озера. С утра там тень, зато после обеда любо-дорого покупаться, позагорать и подёргать на удочку окуней и сорожек.

Проезжая дом тёти Ариши, брат попросил остановиться, и мы всей компанией подошли к калитке. Дом был в хорошем состоянии. Высокая завалинка обшита плоским шифером. Бревенчатые стены побелены, а ставни двух окон были зелёного цвета и сливались с листьями разросшейся под окном сирени.

Я постучал в калитку, раздался лай собаки, вышла немолодая, лет пятидесяти, женщина.

— Вам кого?

— Не знаете ли, уважаемая, жива ли тётя Ариша? — спросил я. — В середине шестидесятых мы с братом неоднократно у неё гостили летом, когда были школьниками.

— Что вы, — сказала хозяйка, — мы уже третьи хозяева, кто купил этот дом как летнюю дачу, и с апреля, а то и марта здесь до холодов обитаем, приезжают внуки, хорошо здесь.

— Да, хорошо, — вздохнув, подтвердил я.

Во дворе мало что изменилось. Деревянные мостки от ворот к дому, поленница берёзовых дров вдоль забора справа от ворот, только вместо кирпичной, на скорую руку сложенной печки с чугунной плитой и конфорками стоял основательный мангал.

Мы извинились и покинули двор дома тёти Ариши. Двор, с которым связаны одни из самых лучших, незабываемых и невозвратимых лет детства. Хорошо, что он ещё стоит и ухожен как подобает.

Отдохнули мы в тот год великолепно. Погода стояла нежаркая, мошкара и комары появлялись только к вечеру, но дым костра уносил их в сторону.

Дети и мы с братом вдоволь накупались, рыбалкой тоже не были обижены, клёв был отличный, особенно к вечеру. Уха — ежедневно, да какая!

Наша резиновая лодка постоянно маячила метрах в ста от берега. Рыбаков почему-то было мало, четыре-пять лодок по всему озеру. Наверное, заняты были люди хозяйством — близилась осень.

Мы даже навялили около двух килограммов сорожки и окуней для домочадцев.

Малыша неоднократно затаскивали в воду, но он отчаянно сопротивлялся и, выскочив на берег и отряхнувшись, имел очень неприличный худосочный вид, хотя кормили его как никогда сытно. Не в коня овёс, говорят про таких. Ночевали в палатке, а Малыш избрал себе место для сна под машиной. Днём он носился по дороге и по лесу, сжигая полученные калории, благо ему никто не мешал.

Девять дней пролетели незаметно. Два раза ночами лил проливной дождь с хорошей грозой, от которой вздрагивали палатка и мы, укрывшиеся в ней, а Малыш лежал под машиной и не высывал носа.

Вечера у костра, иногда под звучанье струн гитары, на которой неплохо играл брат, завораживали, уводили в какой-то нереальный мир добра и благолепия, рождали в душе ни с чем не сравнимую тягу жить, смотреть на звёзды, воду и далёкие огоньки той стороны Божьего озера.

С вечера восемнадцатого августа собрали все вещи, приготовились к отъезду. Хорошо, что я поставил машину под уклон, так как аккумулятор на другой день по прибытии разрядился и заводить нам пришлось её утром с толчка.

А ночью с восемнадцатого на девятнадцатое августа произошло следующее. Над лесом высветилась и зависла полная луна, небо было чистым, звёзды яркими, сверхобильными. И вот, когда мы улеглись в палатку спать, очень тоскливо и протяжно, на одном дыхании, завыл наш британский белинго. Завыл или запел свою первую в жизни песню, видимо, предчувствуя что-то нехорошее для себя, а может, и для нас, а может, для всей нашей неоглядной многострадальной матушки Руси. Вой его становился то громче, то почти затихал — и возобновлялся с новой силой. Этот вой подхватили деревенские собаки, где-то он внезапно обрывался, но с новой силой вспыхивал над молчаливой гладью озера. Я вышел из палатки. Он выл. А в его сосредоточенно-отсутствующих глазах отражались луна, звёзды, отражалась вся необъятная, непостижимая Вселенная, весь мир, в котором Земля и мы, её жители, — даже не песчинки, а нечто невидимое, эфемерное, то возникающее на долю мгновения, то пропадающее на миллионы световых лет, чтобы вновь появиться, возможно, не здесь, а где-то там, в другом месте Вселенной, в другом измерении, с другими жителями, с другой, более совершенной идеей и целью существования.

Малыш уже прекратил выть, он смотрел на луну, и казалось, что у него есть только полголовы, вторую, чёрную, половину видно не было. Он смотрел на луну и слушал голоса своих четвероногих соплеменников, смотрел и слушал.

Утренний густой белёсый туман, проникший в палатку и окутавший всё вокруг, поднял нас на ноги, заставил разжечь походную газовую печку и заварить крутой чай со смородиновым и брусничным листом.

Мы сидели молча. Малыш спал под машиной, не желая, видимо, выбираться на свет. Лёгкий ветерок прошёлся по верхушкам берёз и сосен, лес просыпался для нового светлого дня. Через полчаса чаепитие было закончено, машина заведена с толкача, палатка собрана и убрана в багажник. Мы тронулись в обратный путь. Каждый думал о чём-то своём, глубоко запавшем в душу и не дающем покоя.

Встречным деревенским жителям я предлагал забрать у нас задаром нашего Малыша, расхваливал его, а если честно, то врал, приукрашивая способности, нюх и выносливость псины.

У всех были свои собаки, кошки, козлы, коровы, лошади, и лишний рот никому не был нужен.

— Включи музыку, — сказал брат, — а то что-то грустно.

Я попытался включить приёмник, но он почему-то не работал. Возможно, отсырели контакты или сторел предохранитель. Проезжая мимо пасущихся овец, я остановился, окликнул пастуха, который был верхом на коне. Он быстро примчался, я изложил ему суть дела.

— Если бы бутылочку в придачу,— прохрипел он,— то я бы взял вашего пса, а так...

Этот пастух не внушил мне никакого доверия, и хотя бутылка с водкой лежала в бардачке автомобиля, Малыш остался с нами.

Мы тронулись дальше, к старым и новым проблемам, заботам и хлопотам, к той жизни, которая нас кормит, поит и даёт крышу над головой. Вновь подъезжая к бензозаправке в Назарово, я увидел напротив неё, через дорогу, большие металлические полуоткрытые ворота и длинный железобетонный забор, идущий в обе стороны от ворот. Дай, думаю, схожу, спрошу на вахте или у сторожа, не нужна ли им собака.

Оставив автомобиль недалеко от заправочной станции, я пересёк дорогу и зашёл в ворота. Там возле сторожки на перевернутом ящике сидел мужичок лет шестидесяти — шестидесяти пяти, опрятно одетый, и читал газету. Я спросил его, не нужна ли им собака, отдаю бесплатно, так как уезжаем, а куда и зачем, не сказал, потому что сам не ведал, что говорю.

— Собака нужна,— сказал он,— да поводка сейчас нет, наш кобель уже неделю как куда-то убежал, ни слуху ни духу. А собака-то хоть злая или, как все собаки, голодная — злая, сытая — ленивая? Вон там верёвка, бери и приводи. Кобель или сучка?

Но я уже бежал к машине со всех ног. Привязав к ошейнику верёвку, я привёл нашего Малыша на территорию бывшей овощной базы и передал его новому хозяину, которому в придачу сунул банку тушёнки и пол-литру. Он несколько удивился, но взял, сказав спасибо. Я пояснил, что порода у щенка называется британский белинго, звать Малыш, в квартире держать стало невозможно. Пожали друг другу руки и разошлись. Я заправил бензином автомобиль, и мы тронулись в родной Красноярск. Половина пути была пройдена, к семнадцати часам должны быть дома.

Под ложечкой посасывало, в голову лезли мысли одна хуже другой. В зеркало заднего вида я увидел, как у Дениса на глазах блестели слёзы, а Коля смотрел в окно и о чём-то напряжённо думал.

— Что приуныли, братва? Жизнь продолжается, вырастете, обзаведётесь семьями, детьми, купите себе каких захотите собак, кошек или черепах. Отставить уныние, уныние — это самый великий грех, да будет вам известно. Скоро в школу. Всё приобрели, что для учёбы необходимо? Ну и молодцы.

К дому подъехали в шестнадцать часов сорок минут. Был рабочий день, и я позвонил жене, чтобы сообщить, что мы приехали, а брата попросил вскипятить чайник. Лена, так звали мою жену, каким-то непонятно возбуждённым голосом сказала:

— Включай скорей телевизор.

— А что произошло?

— Ты разве ничего не знаешь? В стране переворот.

— Откуда мне знать? Мы девять дней жили без всякой информации.

Я включил телевизор и пригласил брата, объяснив ему суть услышанного по телефону.

— Вот тебе и британский белинго,— сказал брат, глядя в экран телевизора, где под мелодию танца маленьких лебедей за столом сидели известные всей стране люди, включая министра КГБ Крючкова, и говорили, говорили, говорили.

Не было только президента Михаила Горбачёва. Он отдыхал в Форосе, на Крымском побережье Чёрного моря, и ни о чём, что творится в государстве, не знал.

Жизнь пошла своим чередом. У детей — школа, у родителей — работа. Иногда по воскресеньям детей забирала к себе бабушка. Баба Катя — моя мама. Её барачного типа дом на шестерых хозяев стоял почти в центре города, на берегу реки Качи, когда-то чистой и рыбообильной. Называлась улица Коммунистической, она и сейчас существует. Там, у неё, детям можно было оторваться по полной и не ждать окрика родителей, что Коля с Денисом и делали. Они облазили все чердаки, огороды и старые заброшенные сараи, катались на велосипедах и самокатах. У них было много сверстников, с которыми они крепко сдружились и проводили совместно дни. Мы с женой были не против этих поездок, но беспокоились, чтобы ребяташки не сильно утомляли бабушку.

Наступили ноябрьские праздники. «День седьмого ноября — красный день календаря». Раньше мы на эти праздничные дни изредка ездили в город Енисейск, где проживали родственники жены по линии матери — Сергей Васильевич Курбатов, её дядя, и Мария Филатовна Курбатова, его жена, а

также две их дочери, Нина и Ляля, и младший сынишка Володя, ровесник нашему Денису. Семья была дружная и уважаемая в городе. Дядя Серёжа, так я и жена звали Сергея Васильевича, работал в речном порту, а раньше, до выхода на пенсию, — первым помощником капитана, водил суда с баржами на Крайний Север — в Игарку, Дудинку и ещё далее. А тётя Маша работала в редакции местной газеты. Они всегда с радостью встречали красноярцев, угощали своими деликатесами и рыбой, хорошей рыбой разных сортов. Мы тоже приезжали не с пустыми руками. Детям было предложено на выбор или поехать на все три дня к бабе Кате, или с нами в Енисейск. Ответ мы с женой знали: в Енисейск. Этот город полюбил мой старший сын Николай.

Тихий, патриархальный городок со множеством церквей, старинных купеческих зданий с резными наличниками и с красивой лепниной. Узенькие улочки с деревянными тротуарами. Время как будто в этом городе остановилось и замерло.

Билеты на автобус мы купили заранее в обе стороны и рано утром, предупредив нашу многоуважаемую соседку по квартире Нину Поликарповну, оставили ей ключи и отбыли в Енисейск. Через семь часов утомительного и однообразного, ничем не примечательного пути, с тремя остановками — в сёлах Казачинское, Галанино и в городе Лесосибирске, мы очутились в объятиях родственников.

Дядя Серёжа встретил нас на своей красной «копейке» и за десять минут домчал до своего дома. Снег уже лежал в городе давно и прочно, было минус пятнадцать градусов по Цельсию.

Стол давно накрыт. На столе — отварной картофель, нельма крупными кусками, в центре — икра красная и чёрная, пироги, тефтели, огурцы и так далее, и так далее. А в углу около дивана — огромный чёрный дог с красными слезливыми глазами; он периодически оглядывал гостей и облизывал обильную слюну, потом закрывал глаза, чтобы не волновать себя картиной застолья. Налили по первой за праздник, за Великую Октябрьскую социалистическую революцию и за товарища Ленина. Выпили. В прихожей зазвонил телефон. Сергей Васильевич пошёл взять трубку и через минуту позвал меня. Я, недоумевая, подошёл к телефону. Что бы это значило? Звонила Нина Поликарповна, соседка. Она сообщила, что на коврике у нашей двери лежит, весь дрожа от холода, наш Малыш с огрызком верёвки на шее, весь исхудавший до неузнаваемости. Её

он узнал сразу и безропотно принял от неё кусочек отварной колбаски и хлеба со сметаной.

Я попросил Нину Поликарповну открыть дверь нашей квартиры, впустить его внутрь и кинуть ему какую-нибудь подстилку — тот же коврик, на котором он лежал раньше. Дать ему попить молочка, если есть, или водички.

— Буду завтра утром,— сказал я и поблагодарил её за огромное сердце, небезразличное к собаке.

Нину Поликарповну я просил о Малыше даже не заикаться, если позвонит жена. Сказать, что звонили с работы.

Я позвал Сергея Васильевича и спросил, как быстро можно добраться до Красноярска.

— Этот же автобус пойдёт через час, нет, уже через тридцать минут. А что такое случилось? — спросил он.

— На работе большое ЧП, аврал, лопнули две батареи,— врал я,— лопнули две батареи, отключили отопление, а там дети. Выручай меня, дядя Серёжа, отвези на автовокзал, пока ещё не поздно. С одной рюмки, думаю, тебя не развезло?

— Какой вопрос, Степан Николаевич, но, может, останешься?

— Голову сорвут и собакам выбросят,— пробормотал я и стал быстро одеваться.— Как приеду — позвоню. Отдыхайте.

Жена знала, какая на мне лежит ответственность за жизнь и здоровье вверенных мне больных детей.

Подъехали к автовокзалу в тот момент, когда автобус уже собирался трогаться. Я объяснил водителю ситуацию, народу в автобусе было мало — двенадцать-четырнадцать человек, он указал, куда мне садиться, я рассчитался и, простившись с Сергеем Васильевичем, помчался в обратный путь.

Не может быть, думал я, ну никак не может быть такого, чтобы собака спустя два с половиной месяца, находясь за две сотни километров от города, смогла найти своё жилище. По звёздам он шёл, что ли, или по своей луне, на которую он так невыносимо грустно выл там, у озера, ночью?

Дорога очень утомила, я то засыпал, то просыпался, то замерзали у меня ноги, очень хотелось пить.

Подъезжая к городу, я успокоился, решил: если это судьба, то пусть Малыш живёт с нами до своей старости. Вот обрадуются сыновья, особенно Денис. Ведь он так привязался к Малышу и гордился его несуществующей, единственной в мире породой.

От автовокзала на такси я домчался до дома за двадцать минут. И сразу, несмотря на раннее время — что-то около шести утра, позвонил в дверь Нине Поликарповне.

— А я уже давно не сплю, всё прислушиваюсь, как он там. Вроде тихо, — сказала она.

Я забрал ключи и, поблагодарив её, пошёл открывать дверь своей квартиры. В коридоре было тихо и темно. Хотел включить свет, но лампочка не загорелась. Прошёл на кухню — и там свет отсутствовал, холодильник не работал. Почему так тихо в квартире и темно? Я нашёл фонарик и пошёл с ним обратно к двери.

В самом углу коридора, выгнув спину, лежало бездыханное тело нашего Малыша, нашего любимца. В зубах он держал кусок кабель-канала, который я недавно проложил к электронному звонку и выключателю, и оборванный электрический провод, ставший причиной его гибели.

Я стоял перед трупом собаки, не успев раздеться, слёзы сами, помимо моей воли, текли по щекам к подбородку, к углам рта, солёные, горькие слёзы, вкус которых до сих пор живёт в моей памяти.

В дверь постучала легонько Нина Поликарповна — один раз, другой, третий. Я не открыл, звонок не работал, и она ушла к себе. Я пошёл в большую комнату, раздавленный этой смертью преданного и верного существа, упал на диван и громко, не стесняясь, разрыдался. Тяжёлый комок разрастался в груди и распирал её во все стороны, мне не хватало воздуха. Я открыл настежь заклеенную на зиму бумажной лентой форточку и, как рыба, вынутая из воды, хватал холодный уличный воздух, хватал до тех пор, пока не услышал телефонный звонок. Звонила моя жена. Голос её звучал неуверенно и взволнованно:

— С тобой всё в порядке?

— Да, только очень болит горло. Кажется, я простудился.

— Ну слава Богу, а то мы тут до полуночи не спали.

— Ну и зря. Отдыхайте, веселитесь и домой не торопитесь, — вырвалась самопроизвольно из моего охрипшего горла рифма.

Надо было что-то делать. Я пошёл в гараж, завёл машину, подъехал на ней к дому. Уже светало, снег валил безостановочно большими хлопьями, укрывая всё вокруг. В багажнике у меня был большой белый мешок из-под сахара. Поднявшись к себе на третий этаж, тихо отомкнул дверь квартиры и очень

медленно, аккуратно затолкал Малыша в этот мешок, а потом спустился с ним, положил на заднее сиденье. Я повёз его в сторону нашего садового общества «Алёнушка», где он любил бегать во всю прыть, задрвав хвост. Не доезжая до домиков садового общества, я свернул в лесополосу, забуксовал, но, слава Богу, пронесло — выбрался на твёрдый грунт. Остановился возле трёх высоких сосен, образующих в основании неправильный треугольник, и стал рыть яму.

Земля была мягкая и податливая, как пух, я копал и копал, не замечая ни времени, ни проезжающих в стороне машин, ни сорок, которые тархтели, усевшись где-то на деревьях. Я рыл и размазывал слёзы перчатками по всему лицу, я рыл и проклинал себя за тот день, когда мне пришла в голову мысль расстаться навсегда с нашим дорогим щенком, пусть подросшим и окрепшим, но всё равно щенком. Яма уже была глубиной около метра. Я взял остывший труп и осторожно, удерживая за края мешка, опустил его в землю, перекрестился и стал закапывать. Кидал землю быстро, набирая полную, с верхом, совковую лопату. С работой управился за один час.

Снег прекратился, и холмик был виден со всех сторон. Тогда я решил присыпать его снегом, чтобы он не выделялся на общем фоне белоснежья, благо вокруг снега было вдоволь. Потом срезал небольшой тальниковый прут, сделал посреди не его прорезь и вставил туда другой, более короткий прутик. Крестик воткнул в центре могилки и обдав его основание черенком лопаты, чтобы не упал.

Прощай! Прощай, наш британский белинго, единственный свидетель одного из самых счастливых и незабываемых дней жизни двух человек — мужа и жены, поехавших в сырой ветреный мартовский день 1991 года на городской рынок, чтобы купить шляпу. Прости нас всех за обиды и насмешки над тобой, за непонимание твоей необъятной собачьей души, о которой можно только мечтать человеку.

Соседку по квартире Нину Поликарповну я упросил, Христа ради, никому не говорить о Малыше, пообещав ей когда-нибудь при случае рассказать всё, и принялся восстанавливать электропроводку.